

Объективная и формальная истина: примирение как способ преодоления проблемы

Научный руководитель – Смагина Елена Сергеевна

Бондаренко Лидия Владимировна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Факультет юридический, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: lidia.bondarenko2003@mail.ru

Проблема достижения истины в цивилистическом процессе является предметом неиссякающих научно-практических дискуссий. Доктрина сформировала два основных представления об истине, достигаемой в судебном процессе.

Сторонники формальной истины придерживаются позиции, что суд в условиях процессуальной формы не может выходить за границы исследования доказательств, представленных сторонами. В этой связи И.В. Решетникова и В.В. Ярков писали: «Нельзя говорить и о том, что суд должен стремиться к установлению объективной истины, поскольку решение суда выносится на основе только тех доказательств, которые были исследованы в судебном заседании» [3].

В научной литературе также распространена точка зрения, что модернизация процессуального законодательства закрепила концепцию принципиального отказа от принципа объективной истины. Так, А.П. Вершинин считает, что в делах искового производства, отражающих общую тенденцию развития частного права, суд обязан постичь формальную истину [4]. И.М. Резниченко придерживается мнения, что гражданское процессуальное законодательство демонстрирует эволюцию перехода из принципа объективной истины в принцип формальной истины [5].

Представители противоположной концепции считают, что объективная истина, как требование, обращенное к органу правосудия, обязывает суд к всестороннему, полному и объективному установлению действительных обстоятельств дела. Профессор, ученый А. Т. Боннер подчеркивал, что фактическая или объективная истина будет заключаться в установлении реальных, то есть соответствующих объективной истине, обстоятельств дела на основе всестороннего и полного исследования относимых и допустимых доказательств, которые в горниле состязательного и равноправного для сторон процесса прошли проверку на их достоверность и достаточность [2]. С исключением из первооснов гражданского судопроизводства принципа объективной истины не согласен и С.Ф. Афанасьев. Он отмечал, что суд, как и ранее, достаточно инициативен, но действия его скорректированы в направлении постановки вопросов, проливающих свет на наиболее значимые факты, что косвенно стимулирует доказательственную деятельность сторон и напрямую охраняет их интересы [1].

Также Л.В. Трофимова отрицательно относится к позиции об отсутствии принципа объективной истины в цивилистическом процессуальном законодательстве. По ее мнению, «неустановление истинных знаний о спорных правоотношениях ущемляет интересы одной из сторон, что является нарушением принципов социальной справедливости и равенства всех перед законом» [6].

Мы предлагаем взглянуть на проблему достижения истины с иного ракурса, оттолкнувшись от причины ее возникновения. Необходимость для суда устанавливать действительные обстоятельства дела связана с острым конфликтом, спором, в котором обе стороны имеют противоположностью интересы и стараются отстоять их всеми доступными способами, в том числе и искажая факты, сообщая суду недостоверную информацию. Иначе

говоря, обман возникает там, где есть, кого обманывать. В случае со судом, который не являлся участником спорных правоотношений, именно он и ставится перед проблемой выявления крупниц правды. Лгать друг другу сторонам нет необходимости, поскольку они и так лучше знают, как обстояло дело на самом деле. Соответственно, добиться истины оказывается легче без суда и искушения ввести его в заблуждение ради процессуальной победы в рамках альтернативных судебным примирительных процедур. В отличие от состязательного процесса, примирение сторон основано на принципах добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 2 ст. 138 АПК РФ), что само по себе уже второе имя истины. В дальнейшем мы это и обоснуем. Во-первых, полагаем, что скорейшему достижению истины в примирении способствует отсутствие необходимости формирования правовой позиции, поскольку стороны не несут бремя доказывания (*onus probandi*) своих требований или возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч.1 ст. 65 АПК РФ). Если в правосудии спор разрешается на основе выяснения, чья история более правдива и объективно отражает реальность и в результате принимается лишь одна из версий, которая будет впоследствии отражена в судебном решении, то в рамках примирительных процедур, наоборот, стороны стремятся достигнуть гармонизации, единения интересов в попытке окончательно урегулировать конфликт. В таких обстоятельствах исчезает потребность исказить или утаивать информацию в попытке представить свою позицию перед судом в наиболее выгодном свете.

Во-вторых, в условиях конфиденциальности примирительных процедур проще установить истину. Осознание гарантии конфиденциальности информации способствует установлению доверия как между участниками конфликта, так и к избранной ими примирительной процедуре. Объясняется это тем, что действует правило, ограничивающее возможность произвольного использования переговорных позиций сторон в судебном разбирательстве без их согласия. Так, на все мнения и предложения, высказанные в ходе судебного примирения, медиации не могут произвольно ссылаться стороны, посредник, иные лица. А это, в свою очередь, способствует созданию доверительной атмосферы, которая располагает сторон к большей откровенности друг с другом, поскольку нивелирует как таковую угрозу возможной «утечки» информации. Проще говоря, в ходе примирительной процедуры стороны будут более склонны говорить правду в условиях ограничения на разглашение информации, чем в судебном заседании с участием суда.

В-третьих, сторонам наилучшим образом а priori известна истина по делу, которая может лечь в основу мирового соглашения. Вместе с тем она будет представлена с учетом субъективного восприятия участников конфликта фактических обстоятельств дела. По той причине, что стороны могут урегулировать все правовые вопросы, включив в содержание мирового соглашения требования, связанные с исковыми, но не являвшиеся предметом судебного разбирательства. При этом они могут и не воспользоваться подобным правом. В любом случае ответственность за самостоятельную «интерпретацию» истины будет возложена на стороны в равной степени, так как суд проверяет мировое соглашение лишь на предмет соответствия закону и отсутствия признаков нарушения прав и законных интересов других лиц (ч. 6 ст. 153.10 ГПК РФ, ч. 7 ст. 141 АПК РФ). Однако возможна ситуация, когда мировое соглашение утверждено быть не может, но суд вправе принять отказ от иска, а стороны могут заключить внесудебное медиативное соглашение, содержание которого также будет соответствовать их представлениям об истине.

Примирительные процедуры не могут подменить собой судебную защиту, а посредник – суд. При этом проблема сообщения сторонами информации и формирования ими позиции в споре является общей точкой соприкосновения правосудия и примирительных процедур. Однако если суд поставлен перед проблемой выявления действительных обстоятельств дела, то примирительные процедуры способны решить ее под иным углом:

они стирают грань между формальной и объективной истиной. Таким образом, на первое место в примирении выходят созидательные свойства конфликта, тогда как в силу самой природы состязательного процесса в нем всегда будут существовать «выигравшая» и «проигравшая» сторона спора, что усугубляет существующие противоречия.

Источники и литература

- 1) Афанасьев С.Ф. О достижении истины в суде // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 1. С. 46–47.
- 2) Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Избранные труды. Т. IV. М., 2017.
- 3) Бернэм У., Решетникова И. В., Ярков В. В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996.
- 4) Вершинин А. П. Доказывание в гражданском процессе: новые правила // Правоведение. 1995. № 6. С. 66–67.
- 5) Резниченко И. М. Принцип формальной истины - процессуальная реальность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.
- 6) Трофимова Л. В. Основания к отмене судебных решений, не вступивших в законную силу: автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. Саратов, 1999.